

УДК 81 (075.8)

ДИСКУРСИВНЫЕ ПОЗИЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЗНАНИЯ: ТЕРМИН ПРОТИВ МЕТАФОРЫ

© 2010 С.Р. Аблеев

Московский университет МВД России

Поступила в редакцию 10 января 2010 года

Аннотация: *Статья посвящена проблеме трансформации традиционного научного дискурса. Рассматриваются дискурсивные позиции в исследованиях сознания, предполагающие опору на строгую логическую терминологию и метафорический язык. Автор приходит к выводу о том, что метафоризация является общей тенденцией развития научного языка и выступает в качестве методологической и лингвистической компенсации недостатков рациональной терминологии.*

Ключевые слова: *научный дискурс, научный язык, сознание, термин, метафора.*

Abstract: *The article is devoted to the problem of transformation of traditional scientific discourse. The author considers the discursive approaches in consciousness research, which presuppose the usage of strict logical terminology and metaphoric language. He comes to the conclusion that a large number of metaphors in scientific language is not accidental, but a tendency in its development, which can be treated as a kind of methodological and linguistic compensation of rational terminology imperfection.*

Key words: *scientific discourse, scientific language, consciousness, term, metaphor.*

Проблема сознания занимает весьма заметное место в современных философских и специальных исследованиях. В XX веке попытки ее разрешения приобретают новые специфические особенности. Во-первых, это расширение научного фронта изучения сознания, которое становится предметом осмысления не только философов и психологов, но и представителей других отраслей науки. Во-вторых, повышение идейной корреляции философии и естествознания. И, в-третьих, развивающийся философский поиск новых подходов к осмыслению природы и механизмов действия сознания. Развитие этих тенденций привело к обострению проблемы научного дискурса в исследованиях сознания.

В этой связи на стыке философии и филологии возникает фундаментальный вопрос: насколько применим традиционный язык науки к

описанию природы сознания или ментального мира как особой нефизической реальности? Общепризнанного ответа на него ни в отечественной, ни в зарубежной литературе до сих пор не существует. Дdiamетрально противоположные позиции занимают два концептуальных теоретических подхода.

Первый из них предполагает строгость научной терминологии и освобождение ее от всего метафизического, логически и эмпирически необоснованного. Эта позиция восходит к позитивистам XIX века и в настоящее время развивается в рамках западной аналитической философии. Второй подход предполагает когнитивную и лингвистическую свободу научного дискурса от жестких терминологических тисков рационального языка (К. Юнг, Б. Грин, М. Талбот и др.). Таким образом, рассматриваемую проблему научного языка можно предельно кратко переформулировать следующим образом: Термин или Метафора? Если во времена классической

науки ее решение проводилось всегда в пользу строгого рационального языка (Термина), то в XX веке такой однозначности уже не наблюдалось. Метафора, занимавшая центральное место в религиозных, метафизических и мистических текстах, стала вторгаться в сферу научного знания.

В европейской науке одним из первых недоверие строгой научной терминологии выразил психолог Карл Юнг. Сознание, полагал он, невозможно анализировать строгими научными методами и средствами. Оно не поддается рациональному определению. Следовательно, нужно уходить от определений и описывать сознание с помощью образных картин и метафор. Довольно очевидно, что данная позиция Юнга отличается высоким радикализмом. Но он совершенно справедливо подчеркивает качественную специфику сознания как особой психической реальности, которая с трудом поддается традиционным рациональным подходам и эмпирическим методам исследования. Подобные убеждения уже в XIX столетии породили феноменологическую методологию исследования сознания как крайнюю разновидность эмпиризма. Феноменология стремилась не к традиционному теоретизированию, но непосредственному наблюдению и описанию содержания элементов опыта в том виде, как он является сознанию (Ф. Brentano, Э. Гуссерль) [1, 230-232].

XX век показал, что Юнг уловил важную черту развития научного дискурса и во многом оказался прав. Символизация и метафоризация языка явились общими тенденциями постклассической науки. Естествознание подошло к таким предельным вопросам и глубинным процессам, описание которых выходит за границы традиционных человеческих понятий и даже научных неологизмов. Более того, теоретическое описание этих процессов вообще не вписывается в рамки так называемого здравого смысла и всего исторического опыта человечества. Вот почему физика, как эталонный образец научной строгости, начинает применять квазиметафизическую терминологию, в которой наглядный чувственный образ-символ идет в тесной связке с рациональным термином («электронные облака», «цветность кварков», теория «суперструн», «расширяющаяся» или «раздувающаяся» Вселенная и др.).

В своем кругу физики понимают, что «цвет» кварка это вовсе не цвет в обыденном смысле, но абстрактная характеристика конкретной разновидности квантового микрообъекта. Так же и «расширение» Вселенной есть крайне условное, конвенциональное по своей научной семантике понятие. Очевидно, что любое из этих и многих других физических понятий с точки зрения строгого логического позитивизма не имеет на-

учного смысла. Тем не менее, физика успешно развивается и теоретиков мало смущает такая метафоризация научного дискурса.

Проблему научного языка естествоиспытатели почувствовали еще в XX столетии. Показательно выглядит позиция одного из отцов квантовой механики Вернера Гейзенберга: «Мы не можем говорить о структуре атомов на обычном языке» [2, 179-181]. На каком же языке мы должны говорить о структуре атомов и природной реальности вообще? Подобные проблемы приводят некоторых теоретиков к выводам о том, что окончательная сущность реальности вообще выходит за пределы языка (М. Талбот). Поэтому теоретический аппарат, например, квантовой механики может применяться для объяснения сознания лишь в качестве комплекса метафор и не более того (Р. Джан, Б. Данн).

Таким образом, логика развития науки все настойчивее ведет рациональный академический разум к признанию парадоксального утверждения: человеческий язык мало приспособлен к описанию ноуменальных явлений и процессов природы. Чем дальше погружается научная мысль в глубины бытия — тем выше становится символизм научного дискурса. Высший предел науки как теории — это существование *теории на грани метафоры* (Л.В. Суркова [3, 57]). Здесь начинается невероятная, мало пока отрефлексированная, трансформация науки, которая все чаще говорит с человеком языком нового мистического знания. Ведь в истории культуры традиционный мистический дискурс всегда отличался высоким символизмом и метафоричностью. И причина этой особенности состояла не столько в неразвитости рациональной понятийной базы древних мистических доктрин (как полагают многие исследователи), сколько в принципиальной невозможности передать знание о скрытой реальности вне символизма.

Глубинные уровни бытия не поддаются строгой понятийной формализации в стиле рацио. Там, где она применяется, неизбежно возникает высокая степень противоречивости и условности понятийного аппарата. Развитие диалектики в данном случае можно рассматривать как реакцию познающего разума на когнитивные противоречия в философском и научном дискурсе, приобретающие как чисто ментальное, так и логико-понятийное выражение. Тем не менее, диалектического метода оказывается недостаточно. В подобных случаях обостряется необходимость поиска и применения совершенно иных семантических инструментов, включающие ресурсы разного мышления, аналогии и интуиции. Такими инструментами являются Символ и Метафора. Примечательно, что *математические символы*

уже давно завоевали себе право именоваться не менее чем универсальным *языком естественных наук*. Как тут не вспомнить античного мудреца Пифагора: *Число* (то есть математический Символ) *есть начало всего!*

В таком случае квантовая механика — это осиновый кол в сердце логического позитивизма, возжелавшего провести строгую ревизию философского языка на предмет его метафизических элементов. В действительности семантические люфты и смысловые слои метафизических понятий оказываются вовсе не слабым местом, а преимуществом философского дискурса. Как это можно объяснить?

Реальность природного бытия, в том числе реальность сознания, намного сложнее, многомернее и противоречивее формального языка науки. Этот радио-язык должен постоянно развиваться и усложняться, чтобы не отстать от полета познающей мысли и быть способным адекватно выразить ее когнитивные достижения. Но сможет ли он ей соответствовать в принципе по своей дискурсивной сути? На этот вопрос нет простого ответа. Мы не исключаем, что язык сложных семантических Символов (философских, математических, мистических, художественных) во многих случаях будет более эффективен, чем простой рационально-понятийный дискурс классического образца.

Возможно, это покажется странным, но человеческое сознание в своей практической деятельности неосознанно стремится не столько к Термину, сколько к Символу и Метафоре. Наглядной иллюстрацией этой закономерности предстает развитие интернет-коммуникации, все чаще замещающей традиционный текст рисунками-символами (так называемые «*смайлики*») или странными метафоричными неологизмами с крайне широким семантическим периметром («*жест*» и др.). Другая иллюстрация — современный социально-политический дискурс. Многие авторы обращают внимание на повышение роли Метафоры в текстах СМИ и публичных выступлениях политических деятелей, которые целенаправленно применяют такие лингвистические конструкции для усиленного воздействия на массовое сознание («*ось зла*», «*рука Москвы*», «*вашиingtonские ястребы*» и т. д.).

В контексте рассматриваемой проблемы целесообразно обратить внимание на сближение научного и ненаучного знания, представляющего собой весьма интересную культурную особенность постклассической эпохи. Начиная с конца XX века, все больше авторов отмечают явные корреляции восточной мистической метафизики и современного естествознания (Ф. Капра, М. Талбот, К. Уилбер, В.С. Поли-

карпов, В.Л. Лесков и др.). Одной из общих черт естествознания и восточной метафизики как раз является стремление выйти за границы привычных форм языка. Традиционный философский, а также научный языки фактически выступают препятствием для проникновения в непознанное и выражения воспринятой истины. В то время как магистральная теоретическая стратегия аналитической философии направлена к закреплению существующих лингвистических конструкций. Решая, казалось бы, важную задачу верификации научного дискурса, она препятствует диалектическому скачку мысли в транслингвистическое пространство. Скачку в ноуменальные сферы реальности, лежащие вне пределов доступности обыденного человеческого опыта, а значит и традиционных форм языка.

Несмотря на то, что точка зрения Юнга содержит определенное зерно истины, все же не следует торопиться с выводами об абсолютном недоверии научным методам изучения сознания. Проблемы научной методологии и научного языка имеют не абсолютный, а относительный характер. Поэтому фундаментальный вопрос должен быть сформулирован так: каким образом надо усовершенствовать методологию научного исследования сознания, чтобы это исследование было успешным? Очевидно, что здесь требуется, как минимум, трансформация научного языка в сторону снижения его рациональной формализации и повышения символизма. Познание виртуальной психической реальности требует нового научного дискурса, в котором когнитивный и лингвистический потенциал Термина (мышления логического) дополняется потенциалом Символа (мышления образного).

Идеолог логического бихевиоризма К. Гемпель был убежден, что психологию можно выразить через физику. Но теоретики квантовой модели сознания совершенно оправданно отмечают принципиальную недостаточность физической науки для понимания природы сознания. И в этом они вовсе не одиноки. Например, в вероятностной модели бессознательного (В.В. Налимов, Ж.А. Дрогалина) сознание человека рассматривается как погруженное в «*семантическую реальность*» не охватываемую естествознанием [4, 111-122]. Изучение этой реальности есть прерогатива психологии как науки об особом психическом пространстве бытия. Совершенно очевидно, что научный дискурс психологии, выражающей сложные семантические явления, имеет свою качественную специфику и не может быть полностью тождественным языку физической науки.

Подводя итог, следует отметить, что научный дискурс представляет собой живой, развивающийся процесс познавательной коммуникации.

Его историческая трансформация является не только совершенно неизбежной, но и совершенно необходимой в условиях стремительного роста научного знания и смены научных парадигм. Символизация и метафоризация научного языка возникает как реакция специального академического дискурса на проблемы рационального выражения достижений познавательной мысли. Лингвистическое и методологическое противопоставление Термина и Метафоры или Термина и Символа нам представляется совершенно неперспективным. Эта ситуация напоминает дискуссию об истинном методе научного познания в европейской философии XVII века. Вопрос о том, какой метод более эффективен - эмпиризм (Ф. Бэкон) или рационализм (Р. Декарт) – оказался некорректным. Наука не может отказаться ни от рациональной теории, ни от эмпирических исследований. Они дополняют друг друга и увеличивают силу научного знания. Аналогия очевидна. Термин и Метафора дополняют друг друга в научном дискурсе и взаимно компенсируют недостатки строгой логической рациональности и свободного образного мышления.

Аблеев Сергей Рифатович
Московский университет МВД России
(Тульский филиал).
Кандидат философских наук, доцент кафедры
гуманитарных дисциплин.
e-mail: asks@post.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Прист С. Теории сознания. / С. Прист / пер. с англ. А.Ф. Грязнова. – М. : Идея-Пресс ; ДИК, 2000.
2. Talbot M. *Mysticism and the New Physics* / M/ Talbot. – L., 1981.
3. Суркова Л.В. Сознание в квантовом мире: новый диалог философии и науки // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2007. – № 6.
4. Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное как проявление семантической вселенной / В.В. Налимов, Ж.А. Дрогалина // Психологический журнал. – 1984. – Т. 5. – № 6.
5. Акимов А.Е. Место сознания в системе современного научного знания / А.Е. Акимов, Ю.П. Карпенко // Акимов А.Е. Живая Этика, наука, общество : сборник / сост. В.Г. Акимова. – Пенза, 2000.
6. Винник Д.В. Сознание как проблема в современной философии и науке / Д.В. Винник // Философия науки. – 2002. – № 4 (15).
7. Поликарпов В.С. Наука и мистицизм в XX веке / В.С. Поликарпов. – М. : Мысль, 1990.

Ableyev S.R.
Moscow University of Ministry of Home Affairs of
Russia (Tula branch).
Ph.D. associate professor of humanities department.